

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности пункта 2 части четвертой статьи 426 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.Ю.Колосова

город Санкт-Петербург

16 апреля 2024 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, М.Б.Лобова, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, В.А.Сивицкого,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности пункта 2 части четвертой статьи 426 ГПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина И.Ю.Колосова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.Ю.Бушева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно пункту 2 части четвертой статьи 426 ГПК Российской Федерации суд отказывает в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, если установит, что приведение в исполнение решения третейского суда противоречит публичному порядку Российской Федерации, а если часть решения третейского суда, которая противоречит публичному порядку Российской Федерации, может быть отделена от той части, которая ему не противоречит, та часть решения, которая не противоречит публичному порядку Российской Федерации, может быть признана или приведена в исполнение.

1.1. В 2021 году граждане И.Ю.Колосов и Г. заключили с юридическим лицом договор купли-продажи нежилого здания (мастерских) площадью 380,5 кв.м, расположенного в Ставропольском крае, согласовав цену в 2 000 000 рублей.

Решением от 16 июня 2021 года Экономический арбитраж Северо-Кавказского округа – третейский суд для разрешения конкретного спора признал договор купли-продажи заключенным только между юридическим лицом и И.Ю.Колосовым, а также признал за последним право собственности на указанное здание. Дело было рассмотрено в закрытом судебном заседании, без проведения устных слушаний и без ведения протокола. В решении нет упоминаний о возражениях ответчиков против удовлетворения иска.

Определением Элистинского городского суда Республики Калмыкия от 29 декабря 2022 года И.Ю.Колосову отказано в удовлетворении заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение упомянутого решения. Суд пришел к выводу, что его принудительное исполнение противоречит публичному порядку Российской Федерации, принимая во

внимание возможное создание видимости частноправового спора с отнесением его на рассмотрение третейского суда для получения права собственности на здание, расположенное в ином субъекте Российской Федерации. Определение оставлено без изменения определением судьи Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 14 апреля 2023 года, который дополнительно указал, что недвижимое имущество может выступать объектом гражданского оборота, только если права на него зарегистрированы в установленном порядке.

Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 14 июля 2023 года, с которым согласился заместитель его Председателя (письмо от 15 сентября 2023 года), отказано в передаче кассационной жалобы И.Ю.Колосова для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации. Судья – не обращаясь к вопросу о значении таких обстоятельств, отмеченных в актах судов предшествующих инстанций, как возможное создание видимости частноправового спора и необходимость в регистрации прав на недвижимость в установленном порядке, для оценки поведения участников спора – исходил из того, что рассмотрение споров о праве собственности на недвижимость относится к компетенции государственных судов, поскольку правоотношение, связанное с его регистрацией, имеет публично-правовой характер, а решение, обязывающее регистрирующий орган совершить соответствующие действия, порождает публично-правовые последствия.

1.2. По мнению заявителя по настоящему делу – гражданина И.Ю.Колосова, пункт 2 части четвертой статьи 426 ГПК Российской Федерации не соответствует статьям 45 (часть 2) и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, он устанавливает, что рассмотрение вопроса о праве собственности на недвижимое имущество относится к исключительной компетенции государственных судов, так как правоотношение, связанное с регистрацией этого права, имеет публично-правовой характер, а решение, обязывающее государственный орган к

осуществлению регистрационных действий, – публично-правовые последствия.

Таким образом, с учетом статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является пункт 2 части четвертой статьи 426 ГПК Российской Федерации в той мере, в какой он в системе действующего правового регулирования служит основанием для разрешения государственным судом вопроса об отказе в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда по спору о праве на недвижимое имущество.

2. Гарантируя государственную, включая судебную, защиту прав и свобод, Конституция Российской Федерации одновременно закрепляет право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (статьи 45 и 46). Разбирательство в третейском суде – международном или внутреннем, постоянно действующем либо образованном для решения конкретного спора (*ad hoc*) – относится к числу общепризнанных в демократическом обществе способов разрешения гражданско-правовых споров, проистекающих из свободы договора, которой наряду с автономией воли участников предпринимательской и иной экономической деятельности обусловлены диспозитивные начала гражданско-правовых и гражданско-процессуальных отношений.

Разрешая вопрос об условиях, при которых по результатам рассмотрения третейским судом спора о праве собственности на недвижимое имущество возможен отказ государственного суда в выдаче исполнительного листа для государственной регистрации такого права со ссылкой на противоречие публичному порядку Российской Федерации, и развивая ранее сформулированные правовые позиции, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 3 октября 2023 года № 46-П указал следующее:

несмотря на проведенную реформу законодательства о третейском разбирательстве сохраняет силу высказанная в его Постановлении от 26 мая 2011 года № 10-П правовая позиция о том, что требование о государственной регистрации прав на недвижимость не влияет на природу спора об этих правах, а отношения по поводу регистрации нельзя считать элементом спорного правоотношения, суть которого остается гражданско-правовой, тогда как «публичный эффект» появляется лишь после удостоверения государством результатов сделки или иного юридически значимого действия;

нарушение публичного порядка может быть установлено в случае посягательства не на любые элементы правопорядка в виде тех или иных норм материального и процессуального права, а лишь на основополагающие принципы регулирования материально-правовых и процессуальных отношений; оно не может быть установлено ввиду того лишь обстоятельства, что гражданско-правовой спор, рассмотренный третейским судом и прямо не исключенный законодателем из числа способных быть предметом арбитража, обладает публичной значимостью;

решение третейского суда по спору о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в арбитраже и не давших согласие на участие в нем, не может считаться отвечающим публичному порядку; причем соответствующее нарушение не может выводиться из того лишь обстоятельства, что спор о праве на недвижимость возникает из правоотношения с участием неопределенного круга лиц, – иные лица, входящие в этот круг, но не состоявшие в разрешенном третейским судом споре, в системе действующего процессуального регулирования не лишены возможности инициировать собственный спор по поводу того же имущества;

установленная государственным судом недобросовестность сторон третейского разбирательства – игнорирование ими интересов третьих лиц, создание видимости частноправового спора с целью его передачи на разрешение третейского суда, злоупотребление правом и т.д. – может служить основанием для вывода о нарушении публичного порядка и для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение

решения третейского суда, но лишь при условии исчерпывающего обоснования государственным судом вывода о такой недобросовестности, которая к тому же не может следовать из того лишь обстоятельства, что предметом спора стало право на недвижимость;

с учетом публично-правового значения деятельности третейских судов вывод о противоречии решения третейского суда публичному порядку должен быть исчерпывающе мотивирован государственным судом, который не вправе ограничиваться общим указанием на наличие такого нарушения; отсутствие же подобной мотивировки умаляло бы оказанное обществом доверие к деятельности третейских судов в качестве института альтернативного разрешения споров, влекло бы несостоятельность судебного акта – как вынесенного с нарушением универсального требования о мотивированности таковых.

Руководствуясь приведенными и иными правовыми позициями, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 3 октября 2023 года № 46-П признал пункт 1 статьи 131 ГК Российской Федерации и пункт 5 части 2 статьи 14 Федерального закона от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они не исключают обязанности государственного суда удовлетворить заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда по спору о праве собственности на недвижимое имущество, если государственным судом не будет установлено и исчерпывающим образом мотивировано, в чем именно состоит нарушение этим решением или его исполнением публичного порядка Российской Федерации и каких именно положений, составляющих такой порядок, в том числе в силу недобросовестного поведения сторон, выразившегося, в частности, в создании видимости частноправового спора, в обходе закона с целью получить формальные основания для регистрации прав на недвижимое имущество или иные преимущества вопреки предписаниям действующего

законодательства, ориентированного на поддержку добросовестного поведения.

3. Пункт 2 части четвертой статьи 426 ГПК Российской Федерации относит к основаниям (применяемым государственным судом *ex officio*) для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда установление того, что приведение решения в исполнение противоречит публичному порядку Российской Федерации. При этом, согласно той же норме, если часть решения третейского суда, которая противоречит такому порядку, может быть отделена от той части, которая ему не противоречит, последняя может быть признана или приведена в исполнение.

Национальный публичный порядок, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, формируется положениями Конституции Российской Федерации, прежде всего относящимися к правам и свободам человека и гражданина и к основам конституционного строя. В одних случаях основополагающие (фундаментальные) положения российского права – включая признание человека, его прав и свобод высшей ценностью, гарантированность государственной защиты прав и свобод, верховенство и прямое действие Конституции Российской Федерации – закреплены непосредственно в ее тексте, тогда как в других случаях они обнаруживаются путем выявления смысла конституционных норм. К элементам публичного порядка относится и принцип добросовестности (постановления от 19 января 2017 года № 1-П, от 3 октября 2023 года № 46-П и др.).

3.1. Конституционный Суд Российской Федерации уже обращал внимание на то, что требование о добросовестном поведении в силу своей универсальности распространяется на любое взаимодействие между субъектами права во всех сферах жизнедеятельности (постановления от 28 декабря 2022 года № 59-П, от 7 февраля 2023 года № 6-П и др.). Поэтому, будучи элементом публичного порядка, данное требование применимо при оценке поведения лиц, прибегнувших к третейскому разбирательству для разрешения возникшего между ними гражданско-правового спора, когда в

дальнейшем одно из них обращается в государственный суд за выдачей исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда. Общеобязательный характер требования о добросовестном поведении позволяет квалифицировать его как конституционный принцип, воплощающий конституционно охраняемую ценность и лежащий в основе регулирования разнообразных общественных отношений, включая отношения, связанные с рассмотрением споров третейским судом.

Вместе с тем специфика предписаний о добросовестности такова, что фактические обстоятельства, при которых они должны применяться, и правовые последствия, возникающие при их применении, не определяются в законе *a priori*, но признаки добросовестности выводятся из обстоятельств конкретного дела (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июня 2022 года № 23-П). Это, в частности, позволяет государственному суду учесть условия, сопутствовавшие как принятию третейским судом решения, так и обращению за выдачей исполнительного листа, а также поведение участников третейского разбирательства. При этом некоторые из проявлений недобросовестности – поведение, направленное на обход закона, намеренное игнорирование его требований, создание видимости права и т.п. (статья 10 ГК Российской Федерации).

3.2. Конституция Российской Федерации, провозглашая Россию правовым государством и утверждая свое верховенство и верховенство федеральных законов на всей ее территории, предусматривает, что законы и иные правовые акты не должны противоречить Конституции Российской Федерации, а органы государственной власти и местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации, имеющую высшую юридическую силу и прямое действие, и соответствующие ей законы (статья 1; статья 4, часть 2; статья 15, части 1 и 2). В развитие этих положений, относящихся к основам конституционного строя, Конституция Российской Федерации гарантирует каждому государственную, в том числе судебную, защиту его прав и свобод при соблюдении равенства всех перед законом и судом, чем, в частности,

обеспечиваются условия для взаимного доверия государства и общества (статья 19, часть 1; статья 45, часть 1; статья 46, часть 1; статья 75¹).

Раскрывая содержание права на судебную защиту как одного из основных неотчуждаемых прав человека и одновременно как гарантии всех других прав и свобод, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что данное право предполагает наличие конкретных институциональных и процессуальных механизмов, которые позволяли бы реализовать его в полном объеме и обеспечить эффективное восстановление в правах посредством справедливого правосудия, не нарушая баланс между частными и публичными интересами (постановления от 3 февраля 1998 года № 5-П, от 25 декабря 2001 года № 17-П, от 11 мая 2005 года № 5-П, от 19 июля 2011 года № 17-П и др.). Стороны спора, заключая соглашение о его передаче на рассмотрение третейского суда и реализуя тем самым свое право на свободу договора, добровольно соглашаются подчиниться правилам, установленным для такого суда, чье решение обязательно для сторон на основе добровольного исполнения, а принудительное исполнение находится за пределами третейского разбирательства и является задачей государственных судов и органов принудительного исполнения. В этой ситуации право на судебную защиту обеспечивается возможностью обратиться в государственный суд путем подачи заявления об отмене решения третейского суда либо о выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение (Постановление от 26 мая 2011 года № 10-П; определения от 26 октября 2000 года № 214-О, от 15 мая 2001 года № 204-О, от 20 февраля 2002 года № 54-О, от 4 июня 2007 года № 377-О-О и др.). При этом конституционные гарантии судебной защиты должны обеспечиваться при эффективном, а не формальном контроле суда, при самостоятельной, но не произвольной, а основанной на нормах закона оценке существенных для дела обстоятельств. Иное означало бы, что государственные суды рассматривают заявления заинтересованных лиц без учета норм, регулирующих соответствующие правоотношения, игнорируя свою обязанность разрешать дела на основании Конституции

Российской Федерации, федеральных законов и иных нормативных правовых актов (статья 11 ГПК Российской Федерации, статья 13 АПК Российской Федерации), а это не согласуется с самой природой судопроизводства, обуславливающей необходимость осуществления судебной защиты прав и свобод на основе соблюдения всех конституционных и отраслевых принципов правосудия, в том числе принципа законности.

В силу прямого действия предписания Конституции Российской Федерации о необходимости соблюдения всеми федеральными законами принцип законности – распространяющийся, как и принцип добросовестности, на все сферы жизнедеятельности, включая гражданско-правовые отношения, и выступающий элементом публичного порядка Российской Федерации – подлежит применению независимо от того, указано ли на это специально в каком-либо законе, устанавливающем особенности регулирования тех или иных общественных отношений, в том числе в сфере третейского разбирательства гражданско-правовых споров. Применительно к гражданско-правовым отношениям конституционное требование о соблюдении законов находит выражение, в частности, в закреплении среди основных начал гражданского законодательства правила о том, что никто не вправе извлекать преимущества не только из своего недобросовестного, но и из своего незаконного поведения (пункт 4 статьи 1 ГК Российской Федерации).

3.3. Не может обуславливать исключения из принципа законности и свобода договора, также отнесенная к основным началам гражданского законодательства. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, свобода договора означает, что субъекты гражданского права свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора (Постановление от 23 января 2007 года № 1-П и др.). В то же время она не является абсолютной, не должна приводить к отрицанию или умалению других прав и свобод и может быть ограничена федеральным законом, однако лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ

конституционного строя, прав и законных интересов других лиц (Постановление от 2 июня 2022 года № 23-П и др.).

Из связанности субъектов гражданского права при определении своих прав и обязанностей в заключаемых ими договорах требованиями законов исходит и Гражданский кодекс Российской Федерации. Согласно пункту 1 его статьи 8 гражданские права и обязанности возникают из оснований, предусмотренных законом и иными правовыми актами, а равно из действий граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены законом или такими актами, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности; сообразно этому они возникают в том числе из договоров и иных сделок, предусмотренных законом, а также из договоров и иных сделок, хотя и не предусмотренных законом, но не противоречащих ему. При этом в силу пункта 4 статьи 421 данного Кодекса условия договора определяются по усмотрению сторон, за исключением, однако, случаев, когда содержание условия предписано законом или иными правовыми актами, а в силу пункта 1 его статьи 422 сам договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивным нормам), действующим в момент заключения договора.

Тем самым, если при вступлении в гражданско-правовые отношения, в том числе при реализации принципа свободы договора, имеет место нарушение императивных норм, наделенных таким свойством явно и недвусмысленно, в частности посредством указания в законе на ничтожность того или иного поведения, это поведение противоречит публичному порядку Российской Федерации.

3.4. Рассматривая дело в судебном заседании, государственный суд устанавливает наличие или отсутствие оснований для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда путем исследования представленных доказательств в обоснование заявленных требований и возражений, но не вправе переоценивать обстоятельства, установленные третейским судом, либо пересматривать

решение третейского суда по существу (часть четвертая статьи 425 ГПК Российской Федерации). При этом закон определяет перечень оснований для отказа в выдаче исполнительного листа как исчерпывающий (статья 426 ГПК Российской Федерации), включая в этот перечень и противоречие публичному порядку Российской Федерации.

Вместе с тем, предусматривая в качестве самостоятельных процедуру рассмотрения дел об оспаривании решений третейских судов (глава 46) и процедуру рассмотрения дел о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов (глава 47), Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации в пункте 2 части четвертой статьи 426 содержит правило о том, что, если часть решения третейского суда, которая противоречит публичному порядку, может быть отделена от той части, которая ему не противоречит, последняя может быть признана или приведена в исполнение. Из этого следует, что, оценивая соответствие приведения решения третейского суда в исполнение публичному порядку, государственный суд может обратиться и к анализу самого этого решения. Вывод о допустимости отказа в выдаче исполнительного листа в силу того, что публичному порядку противоречит не только приведение решения третейского суда в исполнение, но и само это решение, проистекает и из части четвертой статьи 427 данного Кодекса, согласно которой, если в выдаче исполнительного листа отказано, поскольку решение третейского суда противоречит публичному порядку, стороны третейского разбирательства могут обратиться за разрешением такого спора в суд по общим правилам, предусмотренным названным Кодексом.

Таким образом, законодатель допустил оценку государственным судом решения третейского суда при рассмотрении заявления о выдаче исполнительного листа на предмет наличия явных признаков нарушения публичного порядка. Иное истолкование – предполагающее, что государственный суд, рассматривая по правилам главы 47 данного Кодекса вопрос о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда по спору о праве на недвижимое имущество,

лишен возможности отказать в выдаче исполнительного листа, если само по себе исполнение решения (действие или воздержание от действия) публичному порядку не противоречит (осуществить оплату, передать вещь, не чинить препятствия и т.п.), но ему противоречит само основание для исполнения (решение третейского суда), – не отвечало бы предписаниям о недопустимости осуществления прав и свобод в ущерб правам и законным интересам других лиц и о подчинении судей только Конституции Российской Федерации и федеральному закону (статья 15, часть 2; статья 17, часть 3; статья 120, часть 1, Конституции Российской Федерации).

Регламентируя отношения в сфере гражданского оборота, законодатель выделил случаи, при которых поведение участников общественных отношений, направленное на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, не должно *a priori* влечь те правовые последствия, на которые рассчитывали соответствующие участники, в связи с чем интересы последних в таких случаях не подлежат в этой части защите как в государственных судах, так и в судах третейских.

4. Глава 47 ГПК Российской Федерации, к которой относится и его статья 426, закрепляет систему процессуальных гарантий правильного и своевременного разрешения государственным судом дел о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов, причем в случае отсутствия в этой главе специального регулирования применению подлежат общие правила рассмотрения дела судом первой инстанции (часть первая статьи 425 данного Кодекса). Соответственно, при рассмотрении заявления о выдаче исполнительного листа лицо, участвующее в деле, наделяется правом представлять доказательства и участвовать в их исследовании, совершать иные процессуальные действия (часть первая статьи 35 данного Кодекса). Именно на основе исследования доказательств, представленных в суд сторонами или истребованных судом по их ходатайствам, в судебном

заседании с их участием устанавливается наличие или отсутствие оснований для отказа в выдаче исполнительного листа, что служит гарантией реализации принципа состязательности сторон (статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации и статья 12 данного Кодекса).

Вместе с тем, как следует из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в том числе в Постановлении от 3 октября 2023 года № 46-П, использование механизма принудительного исполнения государством решений третейских судов не должно вести к получению участниками гражданских правоотношений преимуществ из своего незаконного или недобросовестного поведения, в том числе к оформлению прав на недвижимость в обход закона. Исполнение решения третейского суда по спору, возбужденному участниками правоотношений с целью получить такого рода преимущества, не может рассматриваться в качестве отвечающего публичному порядку Российской Федерации. Не должно способствовать достижению подобных целей и судопроизводство, задачами которого являются в числе прочего укрепление законности и правопорядка, предупреждение правонарушений, формирование уважительного отношения к закону и суду (статья 2 ГПК Российской Федерации, статья 2 АПК Российской Федерации).

С учетом этого для достижения целей судопроизводства, если у государственного суда возникли обоснованные сомнения в добросовестности сторон третейского разбирательства – в том числе по причине непредставления ими государственному суду необходимых доказательств, отсутствия каких-либо возражений со стороны лица, против интересов которого вынесено решение третейского суда, относительно его исполнения и относительно предъявленного ему через третейский суд требования, – государственный суд может принять по своей инициативе дополнительные меры для уточнения соответствия этого решения требованиям, при соблюдении которых он принимает

решение о выдаче исполнительного листа. Так, он не лишен возможности признать необходимым участие в деле государственного органа или органа местного самоуправления и привлечь их к участию в деле по собственной инициативе для дачи заключения в целях осуществления возложенных на них обязанностей и защиты прав, свобод и законных интересов других лиц или интересов Российской Федерации, ее субъектов, муниципальных образований (часть вторая статьи 47 ГПК Российской Федерации). Давая заключение по делу, эти органы вправе изложить суду собственную позицию относительно добросовестности сторон и относительно соответствия приведения в исполнение решения третейского суда иным элементам публичного порядка, а также указать суду на другие основания, препятствующие, по их мнению, принудительному исполнению решения, с представлением надлежащих доказательств.

Кроме того, в силу прямого указания закона в деле о рассмотрении заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда может принять участие прокурор (пункт 2 части четвертой статьи 45 ГПК Российской Федерации, часть 5 статьи 52 АПК Российской Федерации), который, помимо прочего, осуществляет надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов (статья 129 Конституции Российской Федерации).

Возможность государственного суда привлечь к участию в деле государственные органы и органы местного самоуправления для дачи заключения в целях выявления недобросовестного или незаконного поведения участников гражданского оборота подтверждается и сложившейся правоприменительной практикой. В частности, как разъяснено в пунктах 1 и 3.1 Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 8 июля 2020 года), суды вправе привлекать к участию в деле государственные органы, если обстоятельства дела свидетельствуют о признаках легализации доходов, полученных незаконным путем; если же государственный орган не

был привлечен к участию в деле о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, то вынесенное по результатам рассмотрения этого дела определение суда может быть пересмотрено по вновь открывшимся обстоятельствам по заявлению этого органа.

4.1. Рассмотрение заявлений о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда по правилам рассмотрения дела судом первой инстанции – с учетом закрепленных процессуальными кодексами особенностей, в частности положения о том, что государственный суд не вправе переоценивать обстоятельства, установленные третейским судом, либо пересматривать решение третейского суда по существу (часть четвертая статьи 425 ГПК Российской Федерации, часть 4 статьи 238 АПК Российской Федерации), – не исключает права государственного суда устанавливать наличие препятствий для выдачи исполнительного листа по мотивам нарушения публичного порядка, состоящих в том, что усматриваются очевидное отклонение соответствующих действий от добросовестного поведения или признаки нарушения публичного интереса в результате совершения таковых.

Признавая публичное значение арбитража в качестве альтернативного способа разрешения гражданско-правового спора, законодатель не устанавливает безусловной обязанности государственного суда отказывать в выдаче исполнительного листа для принудительного исполнения решения третейского суда во всех случаях, когда, по мнению судьи, рассматривающего соответствующее заявление, установлены обстоятельства, указывающие на нарушение публичного порядка. Как следует из положений части восьмой статьи 425 ГПК Российской Федерации и части восьмой статьи 238 АПК Российской Федерации, суд, рассматривающий заявление об отмене решения третейского суда или о приведении его в исполнение, вправе приостановить производство по делу, чтобы третейский суд возобновил третейское разбирательство и устранил основания для отмены решения третейского суда или отказа в его принудительном исполнении. При этом

третейский суд по ходатайству любой стороны может возобновить третейское разбирательство по данному спору в течение срока приостановления дела в суде. В случае такого приостановления и стороны не лишены возможности привести условия возникшего между ними правоотношения в соответствие с требованиями закона.

4.2. Таким образом, при возникновении у государственного суда, рассматривающего заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, обоснованных сомнений в соответствии такого исполнения или самого решения третейского суда (в части или полностью) публичному порядку Российской Федерации, в том числе требованиям о добросовестном поведении и об исполнении закрепленных в законе явно выраженных и недвусмысленных (императивных) предписаний, он должен принять предусмотренные процессуальным законом меры для того, чтобы предотвратить получение сторонами разрешенного третейским судом спора преимуществ из своего незаконного или недобросовестного поведения. О получении подобных преимуществ в ходе третейского разбирательства по спору о праве на недвижимое имущество – с точки зрения значения такого имущества для конкретного лица и для экономики в целом – во всяком случае свидетельствует принятие третейским судом такого решения, которое в силу явного противоречия нормам материального права, содержащимся в Гражданском кодексе Российской Федерации, Федеральном законе «О государственной регистрации недвижимости» и иных федеральных законах, очевидно не могло бы в системе действующего регулирования и устоявшейся практики его применения быть принято при рассмотрении дела государственным судом, а если бы и было принято, то не было бы оставлено в силе по результатам его оспаривания в вышестоящих судебных инстанциях как незаконное.

Государственный суд наделен полномочиями, позволяющими оценить, рассматривая заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, поведение сторон третейского

разбирательства на предмет соответствия публичному порядку, а также, не полагаясь лишь на пояснения сторон и на мотивы принятия решения третейским судом, исчерпывающим образом обосновать свои выводы, включая вывод о необходимости отказать в выдаче исполнительного листа по той причине, что исполнение решения третейского суда или оно само (в части или полностью) противоречит публичному порядку.

5. С учетом изложенного, а также правовых позиций, выраженных в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации от 26 мая 2011 года № 10-П и от 3 октября 2023 года № 46-П, пункт 2 части четвертой статьи 426 ГПК Российской Федерации по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не исключает:

обязанности государственного суда удовлетворить заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда по спору о праве на недвижимое имущество в отсутствие иных оснований для отказа в его выдаче, если государственный суд не установит и исчерпывающим образом не мотивирует вывод о противоречии исполнения такого решения или самого решения публичному порядку Российской Федерации (с указанием, в чем именно состоит противоречие, и конкретных положений публичного порядка, им затронутых), притом что такой вывод не может основываться лишь на том, что третейским судом разрешен спор о праве на недвижимое имущество;

обязанности государственного суда, рассматривающего заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, принять при возникновении обоснованных сомнений в соответствии такого исполнения или его основания публичному порядку Российской Федерации – включая требования о добросовестном поведении и о соблюдении явно и недвусмысленно выраженных (императивных) предписаний закона – меры, предусмотренные процессуальным законом, для того, чтобы предотвратить получение сторонами разрешенного третейским судом спора преимуществ из своего незаконного или недобросовестного

поведения; о получении подобных преимуществ в ходе третейского разбирательства по спору о праве на недвижимое имущество во всяком случае свидетельствует принятие третейским судом такого решения, которое в силу явного противоречия нормам материального права и устоявшейся практике его применения очевидно не могло быть принято при рассмотрении дела государственным судом, а если бы и было принято, то согласно сложившейся судебной практике не было бы оставлено в силе по результатам оспаривания в вышестоящих судебных инстанциях как незаконное.

Придание названной норме иного смысла вступало бы в противоречие с предписаниями статей 35, 45, 55 и 118 Конституции Российской Федерации и, по сути, означало бы преодоление судами правовых позиций, нашедших отражение в указанных постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации, что, как следует из статей 6 и 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», недопустимо.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать пункт 2 части четвертой статьи 426 ГПК Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой он по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования и с учетом правовых позиций, выраженных в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации от 26 мая 2011 года № 10-П и от 3 октября 2023 года № 46-П, не исключает:

обязанности государственного суда удовлетворить заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда по спору о праве на недвижимое имущество в отсутствие иных оснований для отказа в его выдаче, если государственный суд не установит и

исчерпывающим образом не мотивирует вывод о противоречии исполнения такого решения или самого решения публичному порядку Российской Федерации (с указанием, в чем именно состоит противоречие, и конкретных положений публичного порядка, им затронутых), притом что такой вывод не может основываться лишь на том, что третейским судом разрешен спор о праве на недвижимое имущество;

обязанности государственного суда, рассматривающего заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, принять при возникновении обоснованных сомнений в соответствии такого исполнения или его основания публичному порядку Российской Федерации – включая требования о добросовестном поведении и о соблюдении явно и недвусмысленно выраженных (императивных) предписаний закона – меры, предусмотренные процессуальным законом, для того, чтобы предотвратить получение сторонами разрешенного третейским судом спора преимуществ из своего незаконного или недобросовестного поведения.

2. Конституционно-правовой смысл пункта 2 части четвертой статьи 426 ГПК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное его истолкование в правоприменительной практике.

3. Судебные постановления, вынесенные по делу с участием гражданина Колосова Игоря Юрьевича на основании пункта 2 части четвертой статьи 426 ГПК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 18-П